

В непроглядную тьму пробился неприятный, тянущий чихнуть, запах лекарственных трав. На нижнюю челюсть что-то настойчиво давило, а в горло лилось нечто горькое, стараясь, по всей видимости, чтобы принимающий это человек захлебнулся. И замысел бы удался, если бы лежащий на кровати человек, в которого усердно вливали мерзкое лекарство, не закашлялся, открыв глаза, и не схватил до синяков запястье руки, что держала рот открытым. Лицо больного отпустили, явно не желая, чтобы крепкая хватка раздробила лучевую и локтевую кости. Резкий же поворот головы лежащего на роскошных простынях огромной кровати заставил искусно украшенную резьбой пиалу из белого нефрита с лекарственным отваром вылететь из державшей её до этого ладони.

Оглушающе громкий звук разбитой посуды прозвучал в абсолютной тишине богатых покоев. На стене, об которую раскололась пиала, расплзлось отвратительное мокрое пятно, своим существованием портившее дорогой материал, а острые, большие и маленькие, осколки покрыли пол, устеленный мягким и тёплым бордовым ковром. Человек с довольно красивым лицом, сейчас искажённым уродливой гримасой, в простых, но элегантных одеждах слуги со злобой посмотрел на зачинщика беспорядка, который даже в откровенно плохом состоянии доставлял проблемы. Но этого яростного взгляда, который, если бы это было возможно, давно испепелил бы оппонента, никто не увидел, ведь единственный человек, находившийся в этой комнате, выглядевшей как опочивальня самого Сына Неба, помимо слуги, которому, собственно, и предназначалась крайняя степень недовольства, давно уже вновь провалился в зыбкое беспмятство.

Тьма ластилась, зазывала в свои холодные объятия, но что-то на периферии сознания настойчиво зудело о неправильности абсолютно всех вещей, материальных и не очень. Это настойчивое чувство не позволяло расслабиться, насладиться совершенным отсутствием всего, заставляло осознать себя, начать чувствовать непослушное, ноющее тело. Ощущение себя давало чувство того, словно по физической оболочке промаршировала рота солдат, за которыми ещё и танки проехали. Душевное состояние тоже не спешило радовать удовлетворительными результатами самоанализа. Зомби и то себя, наверное, лучше чувствуют. Хотя... Они же не имеют чувства. А ладно, не суть важно.

Ощущение неправильности накатило с новой силой, всё же заставив усилием воли медленно поднять затрепетавшие веки. Свет больно резанул по непривыкшим глазам, в которые словно речного песка насыпали, да ещё и солёную воду для больших страданий залили. Привычная боль вызвала обычное желание сесть на кровати и протереть кулаками глаза. И если с первым всё получилось, второе не дало исполнить неожиданное болезненное жжение в области груди, печени и селезёнки.

Оперевшись на стоявшие чуть позади руки, человек шумно втянул воздух в лёгкие (что добавил ещё неприятных ощущений), замерев от боли. Из глаз против воли владельца скатилась пара чистейших слезинок, которые, зато, увлажнили глаза, избавив хотя бы от одной составляющей клубка неприятных чувств. Спустя около полусотни неглубоких и медленных вдохов боль начала утихать. Когда мыслить можно было уже не только о вечных страданиях бытия людского, единственный человек в комнате медленно огляделся и осознал.

"Это определённо не моя комната".

Правильно, родная комната была как минимум в четыре раза меньше. Она была выполнена в отвратительном розовом цвете и была более современной. Это же место веяло древностью и роскошью. Куда не брось взгляд — везде дорогие материалы и изящная выделка. Некоторое время человек чувствовал себя некомфортно в этой обстановке, но вскоре по привычке.

Голова болезненно гудела от количества мыслей, одновременно посетивших её. Рассуждения сбивались, перемешивались, перескакивали с одного на другое. Усилием воли успокоив бушующий ураган, человек не успел расслабиться, как резкое открытие двери и её последующий стук о стену, заставили голову болезненно запульсировать. Из уст больного донеслось рассерженное шипение.

— Ой, господин Су Яо, вы уже очнулись? Этот слуга рад, — при этих словах в голосе говорившего слышалось мрачное удовлетворение от чужих страданий.

Вот ведь маленький нехороший человек. Надо ему будет обязательно припомнить это в будущем.

"Су Яо? Это явно китайское имя. Учитывая обстановку и обращение этого человека, которое, к слову, он сказал на странном языке, почему-то понятном мне, есть лишь одно универсальное объяснение этому. Это мир древнего Китая из новелл, которые ты прочитала в огромном количестве. Добро пожаловать в большую фантазию какого-то человека, душечка".

— Как-то не больно ты рад, — донеслось язвительное замечание слуге. — Что смотришь? Лучше зеркало принеси и по пути воды захвати, — настроения любезничать или радоваться не было от слова совсем. — Ты ещё здесь?

Слуга, сжав зубы, ушёл. Появилось несколько минут, чтобы восстановить душевное спокойствие и хорошенько рассмотреть покои, в которых находился новоявленный трансмигрант. Когда в тишине стали слышны глухи шаги за стеной, голову внезапно озарила ужасная мысль:

"Если это Древний Китай, то значит, что здесь нет интернета. Да и телефона вообще. Это абсолютно закономерно и логично до абсурдности, но всё равно очень расстраивающе".

Захотелось сесть, обняв колени, и погрузиться в меланхолию, но это было бы слишком глупо, да и не хотелось показаться перед заносчивым слугой в таком виде. Поэтому пришлось вытянуться, расправив плечи, придавая себе вид спокойствия и непоколебимой уверенности, хотя в душе всё ещё оплакивая отсутствие интернета.

"Видимо, придётся искать другие развлечения. Ох, я всегда могу заняться своим хобби — написанием книг. Это у меня не отнять в любое время. Так что всё не так страшно, как кажется. В конце концов, люди тоже всегда были интересным развлечением. Зато лениться наконец перестану. Да, пожалуй, это именно то, чего мне не хватало раньше. Не хватало отсутствия интернета. Забавно, но это правда".

Ни одна мысль не была произнесена вслух, но по старой привычке губы двигались, даже не зная, что немо произносят. Со стороны такое всегда выглядело жутко, но сейчас красивый человек, сидящий посреди роскошной кровати, уставившийся невидящий взглядом куда-то в стену, да ещё и шевелящий в немом разговоре губами, выглядел воистину страшно и безумно.